



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1701–1712, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712



Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджиева Б. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В эпическом репертуаре известного джангарчи Телтя Лиджиева (1906–1970), принадлежавшего к эпической школе рапсода Ээлян Овла, мотив богатырского поединка является сюжетообразующим. *Цель.* Статья посвящена изучению мотива богатырского поединка в репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева с целью выявления сохранности и последовательности его повествовательных единиц. *Методы.* При анализе эпических песен Телтя Лиджиева с односюжетными песнями рапсода Ээлян Овла применяется сравнительно-сопоставительный метод. *Результаты.* Сравнительный анализ выявил, что мотив богатырского поединка, связанный с предъявлением ультиматума враждебному хану и угоном табуна противника, сохранился в тексте Телтя Лиджиева в той же последовательности повествовательных единиц, что и в тексте Ээлян Овла. *Выводы.* Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага, являясь важной частью эпического повествования, предстает в виде предикативной конструкции, где все элементы взаимосвязаны между собой. В песнях Телтя Лиджиева в центре эпического повествования всегда находится богатырь, героизация которого подчеркивается в ходе развития мотива богатырского поединка.

Ключевые слова: эпос «Джангар», песнь, традиция, мотив, поединок, оружие, богатырь, герой, джангарчи, сохранность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1701–1712. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

Epic Repertoire of Jangarchi Teltya Lidzhiev: The Motif of Heroic Duel

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhieva B. B., 2020

Abstract. In the epic repertoire of the famous jangarchi Teltya Lidzhiev (1906–1970) who belonged to the epic school of the rhapsodist Eelyan Ovla, the motif of heroic duel is a plot-forming one. *Goals.* The article examines the motif of heroic duel in the repertoire of jangarchi Teltya Lidzhiev in order to identify the preservation and sequence of its narrative units. *Methods.* When it comes to analyze the epic songs of Teltya Lidzhiev against similar songs of the rhapsodist Eelyan Ovla, the comparative method is employed. *Results.* The comparative analysis reveals that the motif of heroic duel, associated with the presentation of an ultimatum to the hostile ruler and the raiding of the enemy's herd, retains the same sequence of narrative units as that in the source text of the predecessor. *Conclusions.* The research has shown that the motif of heroic duel associated with the enemy's ultimatum, being an important part of the narrative, appears in the form of a predicative construction where all elements are interconnected. The motif of the heroic duel, associated with the presentation of an ultimatum by Jangar himself to the hostile khan and the raiding of the latter's herd, being a plot-forming element, is characterized by a stable sequence. In the songs of Teltya Lidzhiev, the epic narrative is always centered around the hero whose heroification is emphasized in the course of the development of the motif of heroic duel.

Keywords: Epic of Jangar, song, tradition, motive, duel, weapon, hero, hero, dzhangarchi, safety

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mandzhieva B. B. Epic Repertoire of Jangarchi Teltya Lidzhiev: The Motif of Heroic Duel. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1701–1712. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712



Введение

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» мотив единоборства богатыря с противником занимает центральное место. Мотивы калмыцкого героического эпоса являлись предметом изучения ряда исследователей-монголоведов: А. Ш. Кичикова [Кичиков 1976; Кичиков 1992], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [Борджанова 1976; Борджанова 1979; Басангова 1986], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2002; Неклюдов 2004],

Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Э. Б. Овалова [Овалов 2004; Овалов 2008; Овалов 2011], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006]. В последнее время внимание исследователей акцентируется на рассмотрении проблем разработки указателя эпических мотивов, основанных на текстах песен Багацохуровского и Малодербетовского циклов «Джангара» [Убушиева 2010; Убушиева 2018; Убушиева 2019], составления указателя эпических мотивов [Селеева 2007], указателя тем кал-

мыцкой и синьцзын-ойратской версий эпоса «Джангар» [Селеева 2013].

В эпическом репертуаре известного джангарчи Телтя Лиджиева (1906–1970), принадлежавшего к эпической школе рапсода Ээлян Овла, мотив богатырского поединка, как и в эпосе в целом, является сюжетообразующим. «Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой» [Манджиева 2020: 331].

Статья посвящена рассмотрению мотива богатырского поединка в песнях джангарчи Телтя Лиджиева с целью выявления сохранности повествовательных единиц мотива. Методом сравнительно-сопоставительного анализа песен Телтя Лиджиева с односюжетными песнями рапсода Ээлян Овла выявляется последовательность и сохранность элементов изучаемого мотива.

Мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага

В эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева есть песнь «Арслңгин Эср Улан Хоңһр Арг Манзиин Буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг»¹ («Песнь о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна ханом, владеющим чалым конем Араг Манза»)², которая входит в цикл песен рапсода Ээлян Овла под названием «Арслңгин Арг Улан Хоңһр эмндэн күрн йовж, арг Манзн Буурлта Ээх Догшн Маңна хааг хораж, эзн, богд Жаңһрт орулж өгсн бөлг»³ («Песнь о том, как лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный, едва не лишившись жизни, могучего Манзан Бурала имеющего грозного хана Догшин Мангна уничтожив, [владения его] властителю, богдо Джангару подчинил»)⁴. Эта песнь была усвоена Телтя Лиджиевым

от джангарчи Окона Бадмаева и Окона Шараева, представителей эпической школы Ээлян Овла [Биткеев 2001: 98–99].

Сравнительно-сопоставительный анализ песни «Арслңгин Эср Улан Хоңһр Арг Манзиин Буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна ханом, владеющим чалым конем Араг Манза») в исполнении Телтя Лиджиева с односюжетной песней джангарчи Ээлян Овла выявляет присутствие основных сюжетно-композиционных звеньев повествования.

Завязкой сюжета становится появление в разгар пира во дворце Джангара посланца враждебного Мангна-хана с ультимативным требованием отдать пять «вещей»: аранзала Зерде, хатун Шавдал, Буурал Галзана, богатырей Прекрасного Мингияна и Улан Хонгора. Ультимативное требование предьявляется с целью подчинить своей власти Джангар-хана, богатырскую семью и народ Бумбы. Джангар, посоветовавшись с ясновидцем Алтан Чеджи, соглашается с требованием противника, что равносильно безоговорочной сдаче врагу. Такое решение Джангара продиктовано угрозой, нависшей над Бумбой:

Тийм тавн юм / Өгдг эс болхла, / Эсрң үр сарин нээмн шин өдрэс / Давулдг юмн болхла, / Арвн хурвн бум цеггэр ирэд / Ар Бумбин оритн хольвлнав! — гижэ келв.
‘Если эти пять «вещей» / Не отдашь, / Если к восьмому дню будущего месяца Урюс / Запоздаешь, / То с миллионным войском отправься, / Бумбу страну вашу разрушу! — так сказал’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Несогласие Хонгора с решением богдо, выраженное формулой: *Хэр һазрт оджэ / Арһсн түлэнэ күн болжэ заргдхин ормд, / Эгр хар булгин көвэд / Ааһ цусан асхлцнав!* ‘В чужедальнюю сторону отправься, / Чем стать слугой, собирающим кизяк, / Лучше у высохшего родника / Чашу крови своей пролью!’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98] вызывает гнев Джангара. Возмущенный хан приказывает богатырям пленить Хонгора. Одиннадцать богатырей согласились исполнить приказ, но двенадцатый, Санал, призвал их к верности боевому

¹ Название песни дано по [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

² Перевод названий и текстов песен репертуара Телтя Лиджиева выполнен Б. Б. Манджиевой.

³ Здесь и далее названия песен репертуара Ээлян Овла даны по: [Жаңһр 1978].

⁴ Перевод названий и текстов песен репертуара Ээлян Овла выполнен Т. А. Михалевой.

содружеству и не дал схватить Хонгора, посоветовав ему незамедлительно отправиться в путь. Для реализации цели боевого похода Хонгор, прибегнув к уговорам (Мингияна), получает *аранзала* Зерде. Герой, чтобы войти в опасный локус, принимает вид паршивца-*тарха*, а коня превращает в плохонького жеребенка-двухлетку, затем направляется в стан вражеского Мангна-хана. В сюжете песни Ээлян Овла есть эпизод, отсутствующий у Телтя Лиджиева, когда Хонгор, преодолев рубежную гору Цаган, видит много-миллионное войско Мангна-хана и слышит разговор-похвальбу богатырей противника:

— *Шикр далан көвэд бээсн / Шигширхин нутгинь би дээлнэв!* / — *Кишн Хар теңсгин көвэхэр бээсн / Гүзэн Гүмбиниг би дээлнэв!*» — *гижэ йовна. / Шовт Хар гидг баатр келн йовна: /— Хоңриг амдэр кел бэржэ, / Гернзл хатынь авнав!* — *гижэ йовна* ‘«На берегу океана Шикир живущего / Шигширги владения я разгромлю! / На берегу холодного моря Хара живущего / Гюзян Гюмбе [владения] я разгромлю! — так говорили они. / Богатырь Шовта Хара так говорил: / «Хонгора живьём захватив, / Герензел, хатун его, в жёны возьму!» — так сказал’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 398].

Джангарчи описывает выражение гнева Хонгора — эмоциональную реакцию на услышанное [Неклюдов 1973: 6]:

Болд хар зүркнэ бульгэжэ, / Адгин арань тачкнэжэ, / Арви хойр сүрэнэ / Амн өөднэ деврэжэ, / Арви цаһан хурһнэ / Альхн талһн атхлдэжэ ‘Заколотилось сердце стальное, Заскрежетали зубы коренные, / Злоба беспощадная / Закипела в нём, / Десять белых пальцев / Сжались в кулаки’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 399].

Гнев является одной из важных составляющих эмоциональной характеристики героя перед битвой с противником. «„Кипение, бурление крови“. Еще один аспект присутствующего архаическому эпосу изображения взрывной внутренней перемены героя как перемены скорее физиологической, интракорпоральной, — показ резкого, предельного убыстрения всей циркуляции крови („молодой“, „буйной“ и т. д.), ее бурления и

напора, побуждающего к действию» [Гацак 1989: 26]. Гнев богатыря в песне Ээлян Овла был настолько силен, что Хонгор, выхватив свою секиру, одним ударом поразил знаменосца и, схватив знамя, помчался к горе Цаган, где передал его Мингияну со словами:

— *Отһр улан тугиг / Жаңһрт белг күргэ, / Би та[д]ниг иртл, үүнд / [Эдниг] ээрнэв!* — *гилһэд йовулв* ‘Короткое красное знамя / Как подарок Джангару отвези, / Пока вы не придёте, здесь / Задержу я [их]! — так сказав, отправил его’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 399].

Этот эпизод присутствует и в песне Телтя Лиджиева:

Тугчинэ цокад уңһаһад, / Тугинэ булажэ авад, / Отһр хар тугинэ: / Жаңһрт белг күргэ, / Би тадниг иртл, / Эдниг ээрнэв ‘Знаменосца одним ударом поразив, / Знамя у него выхватив, / Короткое черное знамя [передал со словами]: / — Как подарок Джангару отвези, / Пока вы не придёте, / Задержу я их!’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В монголо-ойратских сказаниях, записанных Б. Я. Владимирцовым, обнаруживаются описания гнева богатыря, в которых сказитель создает особый портрет героя, изображая кипение гнева, его нарастание. Интересно заметить, что нарастание гнева не предваряет поединок, а происходит в его процессе: «Тогда не разогревшееся тело Бум-Эрдени разогрелось, не размякшее тело размякло; вздулось его мясо как непролазная черная гора, вздулись его соски как две серых сопки; вздулось его мясо по обе стороны хребта, как Кобдоские сопки» [Владимирцов 1923: 76]. В песне Телтя Лиджиева такое типическое место, как описание гнева богатыря, к сожалению, не сохранилось, но, вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на позднюю традицию, в ней имеется описание одного из проявлений богатырского гнева — богатырского крика в финальной сцене поединка.

Мотив поединка героя является кульминацией песни. Рассмотрим изображение Хонгора в битве с вражескими богатырями в песне Ээлян Овла и поединка с богатырем-антагонистом Нярин Уланом в песне Телтя Лиджиева.

Ээлян Овла:

Өмн мөн кевтэн болж тохрад, / Дэврэд орв. / Шовт Хар баатриг цокж, / Эмэлин бүүрг деер / Күм дарад аваад, / Мөңгн Цаһан уулын ора деер / Күлэд, хадад хайв. / Хэрү орад, / Нэрн Улан баатриг / Хойр дөрэ сольвж, / Эдэв балтарн цокв. / Нэрхн зеединнь дел теврүлэд, / Эрэ торһв. / Алс улван хормаһаснь / Арвн цаһан хурһар аваад, / Эмэлин бүүрг деер / Күм дарад, / Күлн хадн хайв. / Хурвн сара һазрт / Дөчн хойр баатринь / Уулын ора деер һарһад, / Мөңгн Цаһан уул деер һарад, / Күлн хайв ‘Прежний облик приняв, / Бросился он [на врага]. / Богатыря Шовта Хара ударив, / На луку седла своего / Стащил, придавил / И, на вершину серебристой горы Цаган привезя, / Связал и бросил. / Снова ворвавшись, / Богатыря Нярин Улана, / Вплотную к нему приблизившись, / Секирой ударил — / Поджарого рыжего коня своего гриву обняв, / Тот еле [в седле] удержался. / За подол улвы схватив его / Десятью белыми пальцами, / На луку седла своего / Стащил, придавил / И, на вершину серебристой горы Цаган привезя, / Связал и бросил. / За три месяца / Сорок два их богатыря, / На вершину горы подняв, / Связал и бросил’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 399–400].

Телтя Лиджиев:

Нэрин Улан баатриг / Цокж уңһаһад, / Уулын ора деер хайв ‘Богатыря Нярин Улана, / Ударив, свалив, / На вершину горы бросил’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Сравнение сцен единоборства показывает, что джангарчи Ээлян Овла мастерски изображая напряжение борьбы, колоссальные, на пределе возможностей, усилия сражающегося Хонгора в окружении многочисленного войска Мангна-хана, вовлекает слушателей в процесс сопереживания событиям, тогда как у Телтя Лиджиева отсутствуют подробности единоборства с богатырями-противниками и Шовто Хара, а также нет описания продолжительного сражения с многочисленным вражеским войском, Хонгор расправляется только с Нярин Уланом.

Согласно выделенному исследователями признаку эпической симметрии, хана-противника может одолеть только сам Джангар-хан, но богатырь Хонгор решает

сразиться с Мангна-ханом, потому что помощь еще не подоспела, а силы уже на исходе. Но враг оказался сильнее, и Хонгор терпит временное поражение.

Ээлян Овла:

Эгц һурвн сара хонгт бээр кесн / Арг Улан Хоңһр: / «Эн Догшин Маңна хаанд / Гар күрс!» — гижэ санад, / Цергин захд бээсн цаглань / Арнзл Зеердэр / Авч идхин бээдл һарһад, дэврэд орв. / Арг Манзн Буурларн хурдлулж һарад, / Алтн жсолаг хэрү эргүлж татад, / Алтн дуулхан хооран кеһэд, зогсч өгв. / Хойр һардэж маңна хоорнднь / Хоңһр цокад о[r]кв — / Эдэв балтнь чолу цоксн мет / Һал падрад, ирнь дөрү дүңгэ кү тусв. / Хан эс медсн кевэр / Көндрл уга бээв. / Эдэв балтан ээмдэж аваад, / Мөңгн уулын ора темцэд зулв. / Ардаснь үүдн энтэ / Көк кишвр саадгар хав — / Голднь күрн тусв, / Харһцад кишсн гисн бийинь / Арнзл аваад һарад одв, / Уулын ора деер һарч, / Ухан-сегэһан алдад, / Бун кишсн, арнзл Зеердэн сөөчкэд, / Көк чолу дерлэд, / Хар цусар бөөлжэд, харһцад кевтв ‘Ровно три месяца сражавшийся / Улан Хонгор Прекрасный: / «До этого хана Догшин Мангна / Дотронусь-ка я!» — подумав так, / Когда у края войска тот оказался, / На аранзале Зерде / С видом, будто готов его разорвать, налетел. / Тот, на могучем Манзан Бурале своём ускакав, / Золотистый повод натянув, коня повернул, / Шлем золотой на затылок сдвинув, остановился. / Замахнувшись двумя руками, прямо в лоб / Хонгор его ударил, — / Словно по камню ударил, от секиры его / Искры посыпались, лезвие на четыре пальца треснуло. / Хан, ничего не почувствовав, / Неподвижно стоял. / Секиру свою подняв на плечо, / К вершине серебристой горы он стал уходить. / Сзади с дверной косяк / Синюю свистящую стрелу [хан] пустил — / Прямо в позвоночник она попала. / Теряя сознание, упасть он мог, / Но аранзал удержал его на себе, / На вершину горы привёз. / Сознание теряя, / Свалился, аранзала Зерде повод на луку седла намотав, / Синий камень обняв, / Тёмной кровью исходя, без чувств он лежал’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 401–402].

Телтя Лиджиев:

Цааранднь дээлдэд орксн цагт / Эдх Догшин Маңна хан / Цергиг дахжэ йовсн цагт / Арнзл Зеердэр авч ирх бээдл һарад, / Дэврэд

*орв. / Билгин шар болд үлдэр / Маңна хоор-
нднь / Дэврүлэд цокхла, / Хан эс медсн болад
зогсад бээнэ. / Ардаснь зөв эргэд хархлань,
/ Көк киивр саадгар хаснд / Хоңһрт хол-
днь күрн тусв* ‘В то время, когда дальше
так сражался, / Когда Грозный Догшин
Мангна-хан / За войском своим следовал,
/ С видом, будто готов его разорвать, / На-
летел. / Желтым стальным мечом своим /
Прямо в лоб / Ударил его / Хан, ничего не
почувствовав, неподвижно стоял. / Когда
[Хонгор] сзади его обходил, / Синюю сви-
стящую стрелу [хан] пустил — / Прямо в
позвоночник она попала’ [НА КалмНЦ
РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

«Мотив временного поражения богатыря способствует введению в действие новых героев, выполняя функцию группировки и перегруппировки персонажей» [Манджиева 2020: 330]. Так, Джангар-хан, получив от Мингияна переданное Хонгором знамя, отправляется с богатырями к нему на выручку. В песне Ээлян Овла богатырь Савар дважды просит у Джангара разрешение вступить в единоборство с Догшин Мангна, и получает его только с третьего раза, тогда как в песне Телтя Лиджиева хан сразу дает согласие. Получив разрешение, Савар, подготовившись, вступает в единоборство [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98]. В этом же эпизоде у Ээлян Овла описание оружия приобретает сказочную гиперболичность: *Арвн хойр иртэ / Ээв балтан авснд / Арвн хойр энг заль бадрв* ‘С двенадцатью лезвиями / Секиру свою когда он взял, / Двенадцать языков пламени вырвалось из неё. Савар, привстав в стременах, двумя руками замахнувшись, со всей силы ударил, двенадцать лезвий секиры только треснули, хан ничего не почувствовал’ [Жанһр 1978. Т. 1: 402].

Вслед за Саваром в поединок вступает богатырь Санал, получив для этого разрешение Джангара. Личное оружие Савара — золотистое боевое желто-пестрое копьё (*алтгсн баран шар цоохр арм* [Жанһр 1978. Т. 1: 403; НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98]) в контексте соответствующей стилистической формулы служит атрибутом богатыря. Савару не удалось сразить врага, его проворный боевой конь Бурал Галзан, увернувшись от удара Мангна-хана, спасает богатыря.

Когда ведущие богатыри Джангара испробовали силу оружия в поединках и лицом к лицу сошлись главные противники — ханы, повествование достигает наивысшего накала. Джангар, поразив Мангна-хана желто-пестрым копьем и подняв, разлучает его с конем. Противостоящие войска поддерживают своих ханов.

Ээлян Овла:

— *Мана эзн, богд Жаңһр / Армдгсн кууһэн / Алддг уга билэ! — гижэ, / Деерэснь ура дуудн хээкрв. / Цаадк арг Манзн Буурлта / Ээх Догшин Маңна хаана церг: / — Мана хан күгдлхлэрн, / Арм ямаран күдр болв чигн, / Хуһ татх! — гижэ бас хээкрв* ‘Наш властитель, богдо Джангар / Того, кого поднял на копьё, / Никогда не упустил! — так крикнули / И клич боевой свой добавили. / С той стороны могучего Манзан Бурала имеющего / Грозного хана Догшин Мангна войско: / — Наш хан, если освободиться захочет, / То каким бы прочным ни было копьё, / Сломает его! — так тоже крикнули’ [Жанһр 1978. Т. 1: 404].

Телтя Лиджиев:

Цаадк хаана цергиг: / «Мана хан ямаран арм күдр болвчнь / Күгдлхлэрн, / Хамхлл уга бээдм биш!», — гижэ / Ура хээкрв. / Наадк мана церг: / «Мана алдр Жаңһр армдад: / Церг күц!», — гижэ хээкрлдв ‘Той стороны хана войско: / «Наш хан каким бы прочным ни было копьё / Если освободиться захочет, / То непременно его сломает!», — так крикнули / И клич боевой добавили. / Этой стороны наше войско: / «Наш славный Джангар на копьё поднял: Победа за нами!» — так крикнули’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В этот решающий момент, когда хан-противник, казалось, был почти повержен, копьё не выдержало и переломилось. В героическом эпосе «Джангар» мотив богатырского поединка взаимосвязан с мотивом поломки копья и восстановлении оружия, присутствующем в песнях Малодербетовского и Багацохуровского цикла, в цикле песен Ээлян Овла и в песне Насанки Балдырова. Но в рассматриваемых песнях данный мотив не развивается, вместо этого присутствует описание богатырского крика Хонгора перед нападением на Мангна-хана в финале сражения.

Ээлян Овла:

Арм хуһрсинь үзэд, / Базг Улан [Хоңһр] / За[а]һин ик дууһар / Замб [тив] көдлтл хээкрэд, / Көдэд кевтгсн / Көгшин барсин цөсн билртл хээкрэд, / Уулын ораһас гүн, шүүрэд бэрлдв. / Күчтэ арвн хойр бодң дахн күрэд бэрлдв / Дорни Арг Улан Хоңһртаһан / Арвн һурвулн даржэ хорав ‘Увидев, что копьё сломалось, / Воинственный Улан [Хонгор] / Так громко крикнул, / Что Замбатив содрогнулся, / Что у лежавшего в пустыне / Старого барса жёлчный пузырь лопнул — так крикнул. / С вершины горы сбежав, схватился он. / Сильные двенадцать вепрей[-богатырей] следом схватились. / Там же с Улан Хонгором Прекрасным / Тринадцать [богатырей] истребили всех’ [Жаһһр 1978. Т. 1: 404].

Телтя Лиджиев:

Хоңһр босад, / Заң ик дууһар / Зам көдэд хээкрв. / Көдэд кевтсн / Көгшин барсин цөсн / Билртл хээкрэд ‘Хонгор встал, / Так громко крикнул, / Что земля содрогнулась, / Что у лежавшего в пустыне / Старого барса жёлчный пузырь / Лопнул, — так крикнул’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Грозный противник Мангна-хан побежден, целостность Бумбы сохранена, песнь завершается взятием клятвы у побежденно-го врага.

Ээлян Овла:

— *Миңһн нег жсилд / Жаңһрин оруд нутг болтн!* — *гигж / Андһаринь авад, / Цергтэһинь хэрүлэд [тэвв]* ‘О том, что тысячу лет и ещё один год / Под властью Джангара будет их страна — / Таковую клятву взяв с них, / С войском назад отправили’ [Жаһһр 1978. Т. 1: 405].

Телтя Лиджиев:

Догшин Маңна хаана нутгиг / Номдан орулжэ авад, / «Жил болһн алван өгтн», — гигж / Амн үгини авад [тэвв] ‘Грозного Мангна-хана страну / Власти своей подчинив, / «Каждый год дань свою платить» / Клятву взяв, [отправили]’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В результате сравнительно-сопоставительного анализа «Песни о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна

ханом, владеющим чалым конем Араг Манза» Телтя Лиджиева с «Песней о том, как лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный, едва не лишившись жизни, могучего Манзан Бурала имеющего грозного хана Догшин Мангна уничтожив, [владения его] властителю, богдо Джангару подчинил» Ээлян Овла мы пришли к выводу, что мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага, являясь важной частью повествования, сохранился в этих песнях в одинаковой последовательности повествовательных единиц:

1) предъявление противником ультиматума хану Джангару;

2) самовыбор богатыря для оказания сопротивления противнику;

3) захват героем знамени противника и передача его Джангару;

4) поединки героя с богатырями-антагонистами (у Ээлян Овла — с Шовто Хара и Нярин Уланом, у Телтя Лиджиева — только с Нярин Уланом);

5) продолжительное сражение героя с войском (только у Ээлян Овла, отсутствует у Телтя Лиджиева);

6) поединок героя с ханом-противником;

7) временное поражение героя;

8) прибытие на выручку героя Джангара с войском;

9) поединок богатыря Савара с Мангна-ханом;

10) поединок богатыря Санала с Мангна-ханом;

11) поединок Джангара с Мангна-ханом;

12) поломка копья Джангара;

13) богатырский крик героя;

14) победа над Мангна-ханом, подчинение его власти Джангара — правителя Бумбы.

Сравнительный анализ также выявил отсутствие в песне Телтя Лиджиева таких элементов мотива, как: разговор-похвальба антагонистов, поединок героя с богатырем-антагонистом Шовто Хара, описание продолжительного сражения с многочисленным вражеским войском. В мотиве богатырского поединка богатырь Хонгор в интерпретации сказителя Телтя Лиджиева изображен как храбрый и сильный воин, побеждающий богатыря-противника Нярин Улана.

Мотив богатырского поединка, связанный с предъявлением ультиматума чужеземному хану и угоном его табуна

В цикле песен Ээлян Овла песнь «Эзн, богд Жаңһрин зарцд Бульңһрин Догшн Хар Санл йовж, Күдр Зарин Зан Тээж хаана күчтэ маңһсин ориг эвдж, Жаңһрин номд орулгсн бөлг» («Песнь о том, как Булингира [сын —] Строгий Смуглый Санал по велению властителя богдо Джангара отправился и сильную мангасов страну хана Зан Тайджи, [сына] Кюдер Зары, покорив, веро Джангара подчинил») повествует о боевом походе богатыря Санала в страну могучего Кюдер Зарин Зан-тайджи хана, эта же песнь есть и в репертуаре Телтя Лиджиева с более кратким названием «Буурл Һалзн мөртэ Бульңһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг»⁵ («Песнь о Булингира [сыне —] Строгом Смуглом Санале»). Завязкой сюжета служит отправление богатыря Санала в страну хана Зан-тайджи с предъявлением ему ультиматума Джангара:

Ээлян Овла:

Эл болад бээхлэ, / Тэвн жсилэ татлһ, / Миңһн нег жсилэ алв өгч, / Оруд нутг болх аминь авч ирич! / Дэн болад бээнэв гихлэ, / Хар цоохр тугинь / Шуучжэ, хавтхлэж, / Нээмн түмн хар һалзн агтынь / Нанд көөжэ ирич! — гив [Жаңһр] ‘Если мира хочет он, — / За пятьдесят лет подать пусть заплатит, / За тысячу лет и ещё один год албан пусть отдаст, / Что подвластным моим владением станет, пусть обещание даст! / Если войны захочет, / То чёрно-пёстрое знамя его, / Разорвав, в карман положи, / Восемьдесят тысяч с лысиной вороных рысаков его / Ко мне пригони! — повелел [Джангар]’ [Жаңһр 1978. Т. 2: 72].

Телтя Лиджиев:

Дэн болад бээнэв гихлэ, / Найн экнэ шуура хазсн / Нээмн жува агт дотрас / Нээмн миңһн хар һалзн агт / Нанд көөжэ ирич, / Хар торһн тугинь шу цокад, — [гив.] ‘Если войны захочет, / Из восьмисоттысячного табуна / Восемьдесят тысяч с лысиной вороных рысаков его / Ко мне пригони! / Шёлковое чёрное знамя его, разорвав, [мне привези!] — повелел’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].

⁵ Название песни дано по [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].

Решимость Санала отправиться в опасный путь и выполнить поручение хана выражается формулой: *Әгрәд одхнь, / Нээмн чимгнлм, / Асхрад одхнь, / Ааһ цуснлм!* ‘Если истлеют, / То это лишь восемь трубчатых костей, / Если прольётся, / То это лишь чаша крови!’ [Жаңһр 1978. Т. 2: 73].

В песне Телтя Лиджиева отсутствует напутственная речь Алтан Чеджи, сохранившаяся в песне Ээлян Овла, в которой ясновидец характеризует Санала как богатыря, обладающего девяносто девятью достоинствами, в том числе мудрого, как он сам, Алтан Чеджи, владеющего секирой, как Савар, отважного, как Хонгор, учтивого, как Мингиян.

Личное оружие в эпосе определяет статус богатыря, является его атрибутом, отличительным признаком. Перед отправкой Санала в боевой поход богатыри Джангара передают ему свое личное оружие: Савар — секиру, Хонгор — меч, Гюмбе — кинжал. Передача личного оружия в помощь богатырю имеет сакральное значение, вместе с оружием передается сила его владельца, джангарчи таким образом подчеркивает, насколько опасно задание Санала — действовать в стане врагов.

Преодолев все препятствия в пути, богатырь прибывает в страну Зан-Тайджи-хана и предъявляет ультиматум Джангара, которое ведет к прямому столкновению с богатырями-антагонистами. В стане врага действия Санала изображены по нарастающей их масштабности, ведя к кульминации повествования: 1) вырвав черно-пестрое знамя, угоняет восьмидесятитысячный табун враждебного хана; 2) отражает натиск преследуемых его многочисленных воинов Зан-Тайджи-хана.

Мотив поединка в рассматриваемой песне Телтя Лиджиева состоит из нескольких сцен сражений Санала с противниками:

1) поединок Санала с богатырем-антагонистом Одон Цаганом;

Одн Цаһан баатр / Аля хурдн хоңһрарн / Тасрад һарч ирв: / — Кесг көлтэ хувцитн өмсэж йовлус, / Эду дүңгэ кергт / Нанд түрүлэж һар күрхд / Хээри болтн! — гижэ, / Зан Тээжэ хаанас / Сурн йовна. / Укн хурдар хурдлулад, / Күцэж ирэд, / Әв балтар эмн нурһинь цокснд, / Әв балтан / Әрә тач авч / Догшн Хар Санл / Төрүц

*медлго йовна. / Зөв эргэж ирэд, / Ээв бал-
тар цокжэ уңһаһад, / Таг кезж күлэд, / Буур-
лан алдулад, / Хурдн мөрни эмэлинь / Элкн
дорни орулад, / Адун дотран көөһэд һарв.
/ — Күчтэ хаани элч кевтэ, — гихэд, / Ард-
нь хэлэн үлдв ‘Богатырь Одон Цаган, / На
игривом резвом саврасом [скакуне] / Вы-
рвавшись вперед, прискакал: / — Потную
одежду вашу носил я, / На такое дело / Пер-
вым сразиться, / Разрешите мне! — сказав,
/ У Зан-Тайджи-хана / Разрешение спраши-
вает. / Стремглав пустившись, / Прискакав,
/ Секирой в спину ударил. / Секиру свою /
Еле вытащил тот — / Догшин Хара Санал
/ Ничего не почувствовал. / Вправо [коня]
повернув, / Секирой [Одон Цагану] удар он
нанёс, / Крепко связав, / К Буралу кинув,
/ Резвого скакуна к луке седла / Его при-
торочил. / Табун дальше погнав, умчался. /
— «Могучего хана посол, видимо», — ска-
зав, / Вслед смотря ему, остались они’ [НА
КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

2) битва богатыря Санала с войском хана Зан-Тайджи;

*Күдр Зан Тээж хан / Отхр шар-цоохрарн
дэврэд, / Буурлын найн нэгмн алд сүлэс /
Тач авад: / — Автн үүг, бэртн, — гихэд,
/ Цергтэн хайжэ өгв. / Буурлын омруднь /
Найн нэгмн жид дегц шигдв, / Булиңһрин
Хар Санлын далд / Найн миңһн жид дегц
шигдв, / Деегшэн, дорагшан хээкрэд бухад
оркхла, / Омрудн бээсн найн миңһн жид /
Дегц хуһ тусв. / Санлын ээв балтд жидд /
Бас дегц хуһ тусв. / Эвтэ сээхн Буурларн /
Адуһан көөһэд һарв / Хан Зан Тайджи ‘На
Шара Цохоре своём настиг и напал, / Бу-
рала за хвост в восемьдесят восемь саже-
ней / Схватил: / — Схватите его! — крик-
нув, / Войску своему бросил. / [Спереди] в
грудь Буралу / Сразу восемьдесят восемь
копий вонзились. / Сзади в Санала / Сра-
зу восемьдесят восемь копий вонзились, /
Когда вверх и вниз, выкрикнув, взвился, /
Восемьдесят тысяч копий, что в грудь ему
вонзились, / Разом сломались. / В спину
Санала вонзившиеся копья / Тоже слома-
лись и выпали. / На проворном прекрасном
Бурале своём / Табун он дальше погнал’
[НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

3) битва богатыря Санала у бумбайской горы Цаган с преследующим его войском;

*Адуһан уулын белэр тэвчкэд, / Одн Цаһа-
ниг шүүрч авад, / Уул тал шивчкэд, / Буур-
лан үүрэд, / Нүкнд орулчкад, / Хэрү церглэ
халдв. / Саадгар халдад, / Кесг халдад о[r]
кскн цагт / Шав уга шархнь күцэд, / Ган-
цардад бээсн цагтнь / Күүкн цаһан мурдэн
авад, / Агсмэж-уульжэ бээнэ ‘Табун у под-
ножия горы пастись отпустив, / Одон Ца-
гана схватив, / В сторону горы отшвыр-
нув, / Бурала своего на себя взвалил. / В
углублении [горы] спрятав [его], / Снова
в бой он вступил. / Стрелами стрелялись,
/ Много времени сражение продолжалось.
/ Ранами все тело его покрылось, / Когда
один на поле битвы бился, / Священный
мирде свой взял, / Взывая, он плакал’ [НА
КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

Благодаря своему дару ясновидения Алтан Чееджи сообщает Джангару и богатырям о битве Санала с преследующим войском Зан-Тайджи-хана на границе родной Бумбы. Джангар с богатырями прибывают на помощь богатырю. Поединок Джангара с Зан-тайджи-ханом решает исход противостояния сторон. Мотив поединка завершается победой Джангара и клятвенным обещанием побежденного хана «тысячу и один год платить дань» (*миңһн нег жилэ алв өгх болв* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97]).

Сравнительно-сопоставительный анализ «Песни о Булингира [сыне —] Строгом Смуглом Санале» Телтя Лиджиева с «Песней о том, как Булингира [сын —] Строгий Смуглый Санал по велению властителя богдо Джангара отправился и сильную мангасов страну хана Зан Тайджи, [сына] Кюдер Зары, покорив, вере Джангара подчинил» Ээлян Овла показал, что мотив богатырско-го поединка, связанный с предъявлением ультиматума враждебному Зан-Тайджи-хану и угоном табуна противника, являясь сюжетообразующим, имеет устойчивую последовательность развития: 1) конфликт (ультиматум чужеземному хану и угон его табуна); 2) выбор богатыря (отправление в поход Санала); 3) преодоление препятствий в пути; 4) героический подвиг (поединок Санала с богатырем-антагонистом Одон Цаганом; битва богатыря Санала в окружении войска Зан-Тайджи-хана; битва богатыря Санала у бумбайской горы Цаган); 5) восстановление мира.

Выводы

Джангарчи Телтя Лиджиев, последователь эпической школы Ээлян Овла, еще в детстве усвоивший песни от певцов Окона Бадмаева и Окона Шараева, благодаря своему таланту и уникальной памяти сохранил народное творение и, передав его собирателям, сделал всеобщим достоянием. Следуя канонам эпической традиции калмыков, джангарчи сохранил цельность и полноту эпизодов, мотивов и этнопоэтических констант калмыцкого героического

эпоса «Джангар». В песнях Телтя Лиджиева в центре повествования всегда находится богатырь, героизация которого происходит в ходе развития мотива богатырского поединка. Богатырь сражается на пределе своих возможностей, преодолевает невероятные трудности, подвергается смертельной опасности и одерживает победу над врагом. Героизация богатыря выражает представления народа о богатыре-победителе, совершающем подвиги во имя мира на родной земле.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97 (Фонозапись эпической песни «Буурл Һалзн мөртэ Бульһррин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» в исполнении джангарчи Телтя Лиджиева); Кас. 98 (Фонозапись эпической песни «Арслнгин Эср Улан Хоһр Арг Манзин Буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» джангарчи Телтя Лиджиева)

Sources

The Song of Dark-Skinned Sanal the Rigorous, the Son of Bulingir and Master of Buural Galzan, the Grey War-Horse with a White-Starred Forehead. Jangarchi Teltya Lidzhiev. Audio recording. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 16. Cat. 1. Cassette 97. (In Kalm.)
The Song of How Ulan Khongor the Furious Lion Came to Grips with Khan Dogshin Mangna the Fearsome Who Was Riding the Mighty Manzan Buural. Jangarchi Teltya Lidzhiev. Audio recording. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 16. Cat. 1. Cassette 98. (In Kalm.)

Литература

Борджанова 1976 — *Борджанова Т. Г.* О поэтике ойратского героического эпоса (Сравнение, гиперболы, элементы фантастики) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1976. Вып. 14. Сер.: джангароведение. С. 141–162.
Борджанова 1979 — *Борджанова Т. Г.* Проблемы поэтики монголо-ойратского героического эпоса: дис. ... канд. фил. наук. М., 1979. 149 с.
Басангова 1986 — *Басангова Т. Г.* Мастерство западно-монгольского сказителя Парчена: эпические формулы // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). Улан-Удэ: Бурят. фил. СО АН СССР, 1986. С. 105–114.
Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
Биткеев 2001 — *Биткеев Н. Ц.* Джангарчи. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 448 с.
Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Госиздат, 1923. 254 с.

Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики / отв. ред. А. В. Кудияров. М.: Наука, 1989. 256 с.
Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
Манджиева 2020 — *Манджиева Б. Б.* Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2020. № 3. С. 322–334.
Неклюдов 1973 — *Неклюдов С. Ю.* К вопросу об описании «эмоциональной реакции» былинного персонажа // Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту: [б. и.], 1973. С. 5–12.
Неклюдов 2002 — *Неклюдов С. Ю.* О системе указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая Старина. 2002. № 2. С. 2–3.

- Неклюдов 2004 — Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Овалов 2008 — Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Овалов 2011 — Овалов Э. Б. Типология эпических мотивов в эпосе монгольских народов // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 92–95.
- Селеева 2007 — Селеева Ц. Б. Опыт составления указателя эпических мотивов для тома Свода калмыцкого фольклора «Калмыцкий героический эпос «Джангар» // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы: сб. науч. ст. / гл. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 111–116.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзыан-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Убушиева 2010 — Убушиева Д. В. Мотивный фонд Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 63–68.
- Убушиева 2018 — Убушиева Д. В. Об указателе эпических мотивов (к опыту составления) // Oriental Studies. 2018. Т. 12. № 6. С. 140–148. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-140-148
- Убушиева 2019 — Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 57–69.
- Хабунова 2006 — Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Жанһр 1978 — Жанһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с. (На калм. яз.)

References

- Basangova T. G. Mastery of the Western Mongolian tale teller Parchen: epic formulas. In: Culture of Medieval and Modern Mongolia, 16th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Institute (Sib. Branch of the USSR Acad. of Sc.), 1986. Pp. 105–114. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar and Its Ethnic Versions: Issues of Typology. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. The Jangarchi. Elista: Dzhangar, 2001. 448 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Heroic Epic of Oirat Mongols: Issues of Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 1979. 149 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Poetics of the Oirat heroic epic revisited: comparison, hyperbole, fantastic elements. In: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Newsletter. Elista, 1976. Vol. 14. Ser.: Jangar Studies. Pp. 141–162. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Oral Epic Tradition through Time: A Historical Study of Poetics. A. Kudiyarov (ed.). Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Russ.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Songs. A. Kichikov (comp.), G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka – GRVL, 1978. Vol. 1, 441 p. Vol. 2, 417 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of the Hero's Life Circle (A Comparative Insight into National Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Exploring the Heroic Epic of Jangar: Issues of Historical Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhiyeva B. B. Plot motifs in jangarchi Telyta Lidzhiyev's epic repertory. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 3. Pp. 322–334. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. 'Emotional reaction' of a bylina (epic) character: descriptive means revisited. In: Collected Articles on Secondary Modelling Systems. Tartu, 1973. Pp. 5–12. (In Russ.)

- Neklyudov S. Yu. Index of folktale types revisited. *Zhivaya Starina*. 2002. No. 2. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Motif and text. In: Tolstaya S. M. (ed.) *Language and Culture: Semantics and Grammar*. Collected Papers Commemorating Acad. Nikita I. Tolstoy (1923–1996). Moscow: Indrik, 2004. Pp. 236–247. (In Russ.)
- Ovalov E. B. *Epic of Jangar and Its Versions: Traditions of Plots and Styles*. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Typology of epic motifs in Mongolian epic traditions. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011. No. 1–2 (65). Pp. 92–95. (In Russ.)
- Ovalov E. B. *Typology of Motifs and Plots in Mongolian Epic Traditions: A Comparative Typological Study*. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. *Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: Thematic Index*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. *Kalmyk Heroic Epic of Jangar: compiling an index of epic motifs for one volume of The Kalmyk Folklore Corpus*. In: Ochirova N. G. (ed.) *Youth in Science: Problems, Quests, Prospects*. Collected Articles. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. Pp. 111–116. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. About an Index of epic motifs (compilation efforts revisited). *Oriental Studies*. 2018. No. 6. Pp. 140–148. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-140-148
- Ubushieva D. V. *Kalmyk heroic epic of Jangar: motifs of the Baga-Tsokhor cycle*. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 2. Pp. 63–68. (In Russ.)

